

[репортаж]

Выставка фотографий
Андрея Кеззина, безусловно,
не только вырвала нас
из консервативной концепции
галереи Дома национальных
меньшинств, но обрушила
границы эмоциональной
вежливости, к которым
мы постепенно привыкли
в просвещенной Европе.

АНДРЕЙ КЕЗЗИН

СМУТНОЕ СООБЩЕНИЕ О КОНЦЕ СВЕТА

Из Санкт-Петербурга на вернисаж 10 января прилетел сам автор. Работы огромного формата, напечатанные на холстах, были размещены в двух больших залах ДНМ. Любопытствующей публики собралось много, и самой разнообразной, от поклонников до хулителей. Понимание в этом случае не обязательно, многообразие мнений лучше единства. Provocation творчество фотографа дало мощный импульс всем, и даже речь представителя администрации ДНМ Андрея Бордоша в начале мероприятия можно назвать самой «антибюрократической» из дежурных:

«Сегодняшняя выставка фотографий может быть безоговорочно включена в ряд декадентских и противоречивых выставок, которые цинично и зачастую саркастически обращают наше внимание на увядающую политическую, религиозную и нравственную ситуацию современного общества.

Мы находимся с вами в галерее, где нас окружают фотографии. Эти визуальные образы являются одним из многих средств, иллюстрирующих эмоции, ощущение власти, чувство беспомощности, любовь и ненависть, восприятие света и тьмы.

Позволю себе процитировать Халиля Джебрана из его книги „Пророк“: „Потом сказал имущий: „Поведай нам о дарах“. И он ответил: „Если черпаете из имущества своего, вы даруете скудно. Истинно же вы даете, когда дар исходит из нутра, зане что есть имущество ваше, кроме вещей, которые храните вы из страха, что завтра они пользу принесут“.

Сегодняшний гость нашей галереи — Андрей Кеззин, креативный фотограф из Санкт-Петербурга. Это фотограф, который действительно „дает из своего нутра“. Его фотографии отличаются провокационными, устрашающими, нередко агрессивными мотивами, которые, разумеется, служат скорлупой, скрывающей мир неведомого, мир основных инстинктов, символов и архетипов, мир, который нас тревожит, не позволяет смотреть хладнокровно, который дает импульс для погружения в собственные размышления. Работы Кеззина заставляют нас пересмотреть понятия, кодифицированные в обществе и истории.

В заключение я бы хотел поблагодарить куратора выставки Марину Добушеву за то, с какой энергией и мужеством, присущей ей, она для всех нас, способных воспринимать искусство, историю, традиции и нравственность, организовала эту необычную выставку.

Студентка Карлова университета Катя Сташевская перевела только с русского на чешский (ответы Андрея Кеззина на вопросы публики): не хотелось затягивать разговоры и отвлекать от просмотра. Культурным событием стало выступление Ирины Андреевой (Театр Нового Фронта) в конце официальной части. Сольная сцена из спектакля органически вписалась в антураж выставки, впечатляюще талантливо смотрелся физический театр в этой атмосфере. Наконец, Игорь Золотарев, председатель общества «Русская традиция», пригласил всех гостей в галерею на бокал вина и подарок — цыганский квартет.

Выставка демонстрировалась всего неделю, но интерес к ней был большой. Случайный (или просто незнакомый мне) посетитель выставки Марек Шима написал интересный отзыв:

Посетители выставки

Выступление Ирины Андреевой
(Театр Нового Фронта)

Речь представителя администрации ДНМ
Андрея Бордоша (слева) на открытии выставки

Цыганский квартет

«Для осмысления выставки я, так же как и Кеззин, который искал основополагающее вдохновение для своих фотографий, воспользовался фильмом, а точнее названием чешского фильма — „Смутное сообщение о конце света“. Что-то созвучное я ощутил, увидев эти фотографии.

Учитывая выбранную тематику и способ ее изображения, я старался смотреть непредвзято, не забывая об определенной мере преувеличения, и все же был полностью втянут в мир Кеззина. Некоторые работы вас повеселят («Вечерняя поверка»), от других идет мороз по коже, однако в каждой фотографии можно найти нечто, что бы могло заинтересовать внимательного посетителя галереи. Более того, Кеззин, которого при создании образа мира после апокалипсиса вдохновляют не фильмы, а собственные фантазии, предлагает нам еще одно возможное развлечение — поиск первоначального сценария к фильму. Я видел Снегурочку, Маленького принца, Безумного Макса, короля Теодена, семейку Аддамс, The Wall от Pink Floyd, убийц, солдат, нацистов, а также популярных сегодня вампиров, ангелов и дьяволов.

Я всего лишь любитель, мне трудно судить о технике фотографий, но я все же могу оценить впечатление, которые они производят. Некоторые из них выглядят как смешение фотографии с живописью, другие, в отличие от „плоских“ фотографий, влекут за собой динамику и пластичность. Но что меня особенно поразило — это стиливая целостность снимков и превосходные костюмы, которые и я бы не прочь иметь.

Слева направо:

Выставку эту, безусловно, стоит посмотреть. Несмотря на то что я не получил от Кеззина ответа на то, как будет выглядеть наш мир после апокалипсиса, ни в 2012 году, ни теперь, как случайный посетитель выставки, я неизменно ценю то, что мне не было скучно.

Йитка Пражакова и Карел Томан написали коротко о главном: «Сегодня мы были на вашей выставке в ДНМ. Спасибо вам за незабываемые впечатления. Особенно нам понравилась фотография „Вечерняя поверка“. Нам кажется, что мы поняли символику этой работы, особенно учитывая недавнее прошлое нашей страны».

НИНА МИХАЛЬЧЕВСКАЯ
Фото: ВАДИМ ГРИВАЧ

АЛЕКСАНДР ВЕРЦХАЙЗЕР: «ВРЕМЯ ПОКАЗАЛО, КТО СДЕЛАЛ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР»

Боксер Александр Верцхайзер за время профессиональной карьеры провел 300 боев, он обладатель золотых медалей чемпионатов СССР, России и международных чемпионатов. С 1998 года был тренером по боксу на родине, в Бурятии, воспитал пять мастеров спорта. В эмиграции в Чехии седьмой год, в Праге создал свой боксерский клуб. Дмитрий Выдрин, представляет титулованного спортсмена и уникального наставника молодежи для читателей РС, беседа о спорте, судьбе и эмиграции.

Д.В.: Александр, вы посвятили спорту много лет, с чего для вас начинался бокс?

А.В.: Я вырос в Авиационном поселке города Улан-Удэ. Нормальные парни шли в спорт. В бокс, как известно, берут с девяти лет. До девяти занимался фехтованием. Кстати, когда я перешел в бокс, у меня осталась правосторонняя стойка шпажиста, получилось, что я боксировал как левша, это дало мне ощутимое преимущество — такая стойка очень неудобная для соперника. Благодаря боксу я объездил весь бывший Советский союз, участвовал в турнирах, которые проходили в Китае, Корею, Монголии, Италии, Финляндии. К тому же, среди спортсменов я нашел много друзей. Многие из них стали известными бизнесменами, политиками.

Д.В.: Конец вашей спортивной карьеры пришелся на 90-е годы, чем эти годы были заполнены в вашей жизни?

А.В.: Довелось поработать и в охране какое-то время, потом работал в коммерческой структуре, и достаточно успешно, но все же чувствовал, что это не мое призвание. Наконец, пришло осознание того, что надо спасать уровень нашего российского бокса. Я начал работать тренером в своем клубе в Бурятии, там, где воспитывался и сам когда-то. В лучшие времена наш боксерский клуб считался одним из лидеров в Бурятской республике. Зарплата тренера была небольшой, но мы (тренерский состав) не унывали, искали спонсоров. Работали, как говорится, за идею. Проводили для детей бесплатные тренировки, в качестве поощрения старались выделять денежные премии или спортивную форму.

Д.В.: Могли бы вы назвать своих успешных учеников?

А.В.: Конечно, например, Екатерина Пинигина — член сборной России по боксу, мастер спорта России. Сейчас она занимает одно из ведущих мест в составе сборной России. В данный момент она находится на сборах в Португалии.

Д.В.: Слышал, что вы знакомы с некоторыми чешскими тренерами по боксу. Можете сравнить уровень чешского и русского бокса?

А.В.: В Чехии бокс не очень популярен, наверно, потому что чешская молодежь стремится в ММА (смешанные боевые искусства), кикбокс или тайбокс. Этим и обусловлен более низкий уровень чешского бокса, по сравнению с российским. Здесь другая методика, другая школа бокса. Однако, чтобы я совсем не умалял заслуг чешских коллег (смеется), надо сказать, что есть в Чехии очень перспективные ребята. Будущее покажет, удастся ли им достичь боксерских вершин.

Д.В.: А что вы думаете о братьях-славянах? Много между русскими и чехами сходств или больше различий?

А.В.: Я думаю, что мы похожи друг на друга. Особенно чехи напоминают нас, сибиряков: такие же добродушные, открытые, спокойные.

Д.В.: Каждый из нас, кто приехал сюда из России, имел на то свои причины. А что побудило вас сорваться с якоря и переехать в Чехию?

А.В.: Все, что мы с женой делали, мы делали и делаем ради сына. Нам хотелось, чтобы он вырос в спокойной, красивой и перспективной стране с мягким климатом, получил здесь достойное образование и просто жил, не опасаясь за свое будущее. Нас с женой в Чехии все устраивает. Полностью. Нравятся люди, их отношение друг к другу, культура. Мы с женой еще следим за событиями в России. А вот Влад (сын), который учится в 8-м классе чешской гимназии, уже почти чех (смеется) — менталитетом, конечно.

Д.В.: Планируете сделать из сына чемпиона по боксу?

А.В.: Это, конечно, его выбор. Он с ранних лет занимался боксом. Это закалило его, выработало в нем морально-волевые качества, придало уверенности в себе. Я постарался заложить в него основу, все остальное зависит от него. Если он захочет серьезно заниматься боксом, то я во всем буду помогать ему. Думаю, что при желании, он смог бы поучаствовать в Олимпийских играх, у него хорошие гены, поскольку мы оба с женой спортсмены в прошлом. Татьяна — мастер спорта СССР по легкой атлетике, входила в состав молодежной сборной СССР. Мы познакомились в Бурятском Педагогическом Университете, где я учился на спортфаке. Поэтому у Влада врожденная расположенность к спорту.

Д.В.: Вы скучаете по дому?

А.В.: Мы скучаем по родственникам, слава Богу, есть скайп. Но вот по стране в целом как-то особо не скучаем, наверно, потому что пришлось немало пережить в 90-е нестабильные годы. Скучал по тренерской работе, по своим ученикам. Мне даже наш зал снился. Сейчас все на своем месте. Я опять тренер, у меня новый зал, новые ученики и новый дом.

Д.В.: В завершение нашего разговора задам вам философский вопрос. Правда ли, что жизнь бьет сильнее любого чемпиона?

А.В.: Да, жизнь бьет. Особенно в наше молодое время. Многие наше поколение называют потерянным поколением. Не все из моих знакомых смогли без потерь пережить тяжелые времена в России, я говорю о 90-х годах. Кто-то начинал пить, принимать наркотики, а как результат — умирали молодыми, так погиб мой друг — замечательный, талантливый спортсмен. Жизнь была тяжелой, иногда опускались руки. Спорт был для нас спасением. Он сделал нас сильными физически и морально, поэтому мы выжили. В конце концов, время показало, кто сделал правильный выбор.

Д.В.: Александр, спасибо вам за разговор. Хотели бы вы что-нибудь добавить?

Хочу сказать, что наш боксерский клуб открыт для всех желающих, как для начинающих, так и для подготовленных спортсменов. Добро пожаловать к нам!

ДМИТРИЙ ВЫДРИН
Фото: МАРИЯ СТЕФАНОВИЧ

«ТЕОРИЯ РУКОПОЖАТИЙ» И ИНТЕРЕСНЫЕ НАХОДКИ

Вышла в свет книга «Новое о Бурлюках», автором которой является Евгений Деменок. Напечатано украинское издательство «Коло» (Дрогобыч) в 2013 году. В книге 200 страниц, тираж не указан. Издание предназначено как для широкого круга читателей, так и для искусствоведов.

Е. Деменок родился в Одессе в 1969 году, по профессии финансист. Увлекается философией и литературой. Коллекционирует живопись. Автор статей о живописи, культуре, пишет рассказы и короткие эссе. Член Южнорусского Союза писателей, Национального Союза журналистов Украины.

В литературно-художественном издании, а именно так охарактеризована данная книга, Евгений Деменок собрал воедино ранее опубликованные им журнальные и электронные статьи и исследования о семье Бурлюков. Каждая статья (очерк), помещенная в издание, носит самостоятельный характер, при подготовке к изданию в статьи существенные изменения не вносились, поэтому, встречаются повторения одних и тех же сведений.

Большая часть иконографического материала из архива пражской семьи Фиала, ставшего основным источниковедческим материалом, опубликована впервые. Публикация пополняет научную иконографию семьи Бурлюков, внесшей значительный вклад в развитие новых авангардных течений в искусстве и литературе России.

Сборник состоит из шести глав, он открывается статьей «По пражским следам Бурлюков», в которой автор знакомит читателя с чешским архивом семьи Фиала, чьи потомки бережно хранят память, связанную не только с воспоминаниями о жизненном пути братьев и сестер семьи Бурлюк, но и с их творчеством. Читателю предоставляется возможность узнать о творчестве Вацлава, супруга Марианны, самой младшей сестры Давида Бурлюка, их сына Владимира. Вацлав и Владимир, будучи искусствоведами в течение всего пражского периода жизни, интересовались творчеством русских художников, никогда не порывали с русской художественной мыслью, публиковали научно-исследовательские монографии. В семье Фиала и их потомков русский язык был всегда и остается родным.

В архиве семьи Фиала сохранилось несколько альбомов с фотографическими изображениями двух братьев Владимира и Николая Бурлюк, об их судьбе повествует глава «Милой Яночке — Коля в баночке».

Братья и сестры всегда любили собираться в родительском доме, душой которого, несомненно, являлась Людмила Иосифовна, урожденная Михневич. В дореволюционной России был более известен старший брат Людмилы — Владимир Михневич, талантливый публицист и журналист, сотрудничавший со многими петербургскими столичными издателями. Людмила Бурлюк развивала и поощряла художественные и музыкальные способности своих детей. Разнообразным был круг знакомств и общения членов семьи, достаточно упомянуть имена Владимира Издебского и Василия Кандинского, Владимира Маяков-

Обложка новой книги Е. Деменюка «Новое о Бурлюках».

Давид Бурлюк, около 1921 года. Фото: Кэтрин С. Дрейер. Архив библиотеки Йельского университета, США.

ского и Михаила Ларионова, Натальи Гончаровой и Александры Экстер, Петра Кончаловского и Казимира Малевича. Необходимо отметить и то обстоятельство, что Давида Федоровича и Людмилу Иосифовну связывала добрая дружба с Еленевскими и Безвалями. Не случайно их сын Давид связал свою судьбу с Машей Еленевской, получившей образование в Московской консерватории. Мария Никифоровна стала не только соратником Давида Бурлюка, но и его надежным арт-директором. Надежда Бурлюк стала супругой Антона Безваля, единомышленником Давида по футуристическим изысканиям. Василий Кузнецов, известный петербургский скульптор и Людмила Бурлюк были связаны не только супружескими, но и творческими узами.

Трагические события переломных лет России сказались и на семье Бурлюк. В 1917 году на фронте погиб Владимир, Николай был репрессирован в 1920 году, Людмила и Василий Кузнецовы с сыновьями остались в Саратове. Из Уфимской губернии Людмила Иосифовна, овдовевшая к тому времени, с семьей Надежды Безваль переехала в Фергану, Давид и Мария с детьми, Марианна, а также сестра Марии — Лидия Еленевская, проделали длительный путь на Дальний Восток. Их путешествие по Транссибирской магистрали завершилось во Владивостоке, здесь Давид Бурлюк встретил своих давних московских знакомцев Николая Асеева, Виктора Пальмова, Сергея Третьякова, а Марианна познакомилась со своим будущим мужем Вацлавом Фиалой. Была ли это их первая встреча? Ведь известно, что Давид Бурлюк был знаком с Вацлавом Фиалой еще в свою бытность в Петербурге. После посещения Японии семья Давида Бурлюка уехала в Соединенные Штаты Америки, а Вацлав Фиала привез свою молодую супругу в Прагу.

О том, что братья и сестры Бурлюки на протяжении всей своей жизни сохраняли друг к другу теплые чувства, свидетельствует тот факт, что, несмотря на все перипетии судьбы, семье, хоть и в неполном составе, удалось встретиться в Праге почти после сорокалетней разлуки. Усилиями Вацлава и Марианны удалось разыскать и пригласить в 1956 году из Советского Союза на жительство в Чехословакию Людмилу Кузнецову, а уже через год, осенью 1957 года, в Прагу впервые прибыли из Соединенных Штатов супруги Давид и Мария Бурлюк.

О пребывании Давида Давидовича и Марии Никифоровны Бурлюк в Праге рассказывается в главе «Чешская книжечка стихов Давида Бурлюка». Особое внимание уделено второму приезду четы Бурлюков в Прагу в 1962 году, в год восьмидесятилетия Давида Давидовича. Визиту, о котором в более ранних биографических публикациях не упоминается.

В главе «Письма Давида и Маруси Бурлюк в Прагу» рассматривается несколько писем и открыток, адресованных семье Фиала, в которых Давид и Мария делятся своими впечатлениями о времени, проведенном в Чехословакии, о своих коллегах по творческому цеху и планах, о семейных новостях.

Завершается издание главою «По одесским следам Бурлюков» и «Послесловием». Фотокопии подлинных рукописей, принадлежащих Д. Д. Бурлюку размещены на стр. 110, они не атрибутированы и к сожалению трудночитаемы. В данном издании размещены 26 репродукций живописи и графики Людмилы Кузнецовой—Бурлюк.

Евгений Деменок верит в «теорию шести рукопожатий», позволившую ему познакомить читателей с ранее неисследованными и скрытыми от широкой публики материалами о семье Давида Бурлюка.

ЛИАИДА ДАВИДОВА, историк ■

[мероприятия РТ]

ШАХМАТНЫЙ БЛИЦТУРНИР

В субботу 21 декабря 2013 года в Доме национальных меньшинств состоялся русско-чешский шахматный Рождественский блицтурнир, организованный для шахматистов-любителей обществом «Русская традиция». Идейным вдохновителем и главным мотором организации турнира стал шахматный мастер Дмитрий Плисецкий. К нему присоединился Сергей Петухов, который обеспечил комплекты шахмат с часами и был судьей соревнования.

Шахматные бои проходили при поддержке многочисленных зрителей и болельщиков, женский клуб пригласил угощение для участников и гостей.

Результаты турнира: 1—2 — Дмитрий Плисецкий и Сергей Петухов; 3—4 — Александр Шульга-старший и Михаэла Готашова; 5 — Йозеф Микеш; 6—7 — Вацлав Данек и Дмитрий Шарандин (в команде с Игорем Золотаревым и Ильей Сташевским); 8 — Александр Шульга-младший.

Рождественская атмосфера и интересные поединки стали замечательным поводом для принятия решения проводить подобные турниры чаще и регулярнее.

По инициативе Дмитрия Плисецкого в редакции журнала «Русское слово» теперь можно сыграть партию-другую в любое удобное время (комплект шахмат постоянно находится в редакции). А Илья Сташевский будет проводить обучение основам шахматной игры для начинающих — тоже в редакции, по индивидуальному расписанию.

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ

Фото автора ■

Грамоту победителю турнира Сергею Петухову вручает председатель «Русской традиции» Игорь Золотарев.

В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

ПРАГА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Солдаты 28-го пехотного полка перед отъездом на фронт на вокзале императора Франца Иосифа I (центральный железнодорожном вокзале Праги). Осень 1914 года. Фото: ателье Г. Энкерта.

Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская, внучка архитектора и художника А. П. Брюллова, этнограф, востоковед и историк, в 1914 году опубликовала в журнале «Северные записки» очень интересные воспоминания о начале Первой мировой войны, которое застало ее в Германии. Она пишет о том, что реакция на войну ее поразила. Многие шли воевать, не понимая и не желая понять, почему и в чьих интересах эта война ведется. Вот типичные высказывания, которые приводятся в статье: «Причины войны меня не касаются, мы верим нашим дипломатам и знаем, что наше дело одно — идти за родину». На указание Брюлловой, что высказывающийся таким образом студент принял участие в манифестации и поддержал политику Австрии, тот ответил: «Мы просто демонстрировали преданность государству».

Похожие позиции заняли многие немцы из Чешских и Моравских земель, притом страх перед войной переходил в урапатриотические и даже погромные настроения. Усилилась подозрительность по отношению к иностранцам, везде искали шпионов. С «подозрительными» лицами, будь они даже детьми, не церемонились. В Праге схватили и приговорили ко многим годам тюрьмы ребенка, который пел русский гимн.

Вскоре после начала войны население Чешских земель ощутило еще большее, чем до войны, расслоение. В некоторых городах, где немецкое население было в большинстве или составляло большинство в военных органах, с чехами начали сводить личные счёты. Чехи, уклоняющиеся от военной службы, или деятели национальных чешских обществ и объединений посылались в концлагеря, организованные австрийским правительством. Эти концлагеря, конечно, не были нацелены на физическое уничтожение узников, но людей держали в таких условиях, чтобы они сами попросились на фронт. При этом в сопроводительных документах часто было написано «политически неблагонадежен, возврат нежелателен». Можно сказать, что это могло стать смертным приговором. Однако обыватель уверовал в то, что война нестрашна, она скоро кончится, а пока цены на продовольствие остаются низкими, можно ни о чем не беспокоиться. Часть мобилизованных и многочисленные добровольцы ожидали от войны помощи в продвижении по служебной лестнице, наград и немного приключений. Напротив, отправлявшиеся на войну чешские юноши из крестьян часто в знак протеста повязывали на рукав черные повязки, пели частушки со словами «нам надо воевать с русскими, но не понятно, почему...». Некоторые жители столицы совершенно серьезно ожидали, что русские вот-вот проруют

туннель в Прагу и освободят своих славянских братьев, а кто-нибудь из рода Романовых будет венчаться на чешский трон короной святого Вацлава. Это было важно для населения, потому что австрийский император Франц Иосиф за многие десятилетия своего правления так и не нашел время на коронацию, пренебрегая чешскими государственными регалиями.

С начала войны прошло несколько месяцев, и все изменилось. На бирже наступил обвал, продукты питания подорожали во много раз, а потом ввели карточки на продовольствие и даже промтовары. Отели и рестораны опустели, кабачки и кабаре закрылись. За время военных действий около 60 % мужчин Чешских земель и Моравии в возрасте от 18 до 52 лет были мобилизованы на фронт.

К началу Первой мировой войны Прага была второразрядным городом Австро-Венгрии, уровень жизни значительно отставал от Вены и был даже ниже, чем во многих небольших городках Богемии. Скученность населения была чрезвычайной. Не только рабочие, но и многие представители интеллигенции жили в крошечных квартирках, а дома, кроме самых дорогих, продолжали строить по старинке. Вот что пишет в своих воспоминаниях Зузана, приемная дочь выдающегося чешского художника Макса Швабинского: «Этот прекрасный дом был

С фронта и на фронт писали каждый день, иногда и по несколько раз. Писали письма, но чаще отсылали открытки, где всю оборотную сторону заполняли текстом, причем писали, как правило, убористо, чтобы поместилось как можно больше.

построен в 1911 году в стиле модерн. Внутри он, однако, был чрезвычайно устаревшим: в нем не было ни электричества, ни канализации. Мы пользовались керосиновой лампой и свечками, а за водой ходили к общественной колонке на улице. Наша однокомнатная квартира выходила окнами на железнодорожное полотно. Проходили поезда, дымили, шумели... Приблизительно с семи лет я помогала маме ходить за водой. Я несла белый эмалированный кувшин с откидной крышкой, и меня переполняло чувство важности возложенной на меня миссии» (Z. Švabinská, Světla paměti, Academia, Praha 2002, с. 7—8). Через год после начала военных действий, когда стали чаще и чаще приходиться похоронки и полные ужасных мелочей, хотя и вынужденно приукрашенные письма с фронта, настроение упало и у самых больших оптимистов. Как можно судить по сохранившейся военной корреспонденции, с фронта и на фронт писали каждый день, иногда и по несколько раз. Писали письма, но чаще отсылали «открытые письма» без картинок, за которые не надо было оплачивать марки. Эти открытки представляли собой листок бумаги не слишком хорошего качества, где с одной стороны был адрес, а всю оборотную сторону заполняли текстом, причем писали, как правило, убористо, крошечными буквами, чтобы поместилось как можно больше.

Такие фотографии делались на память, их посылали семьям перед отправкой в зону боевых действий.

Организация «Чешское сердце» отправляла чешских детей на оздоровление в семьи чешских крестьян.

Эти открытки за гроши продавали дети-разносчики. Открытки раздавались на фронте и благотворительными обществами. Хотя неграмотных на стороне Австро-Венгрии было немного (на 1000 призывников более 950 человек умело писать и читать, тогда как в Российской армии только немногим более 600), тем не менее, выходили и открытки с уже готовым текстом, пропечатанным на многих языках. Текст следовало только отметить, он гласил: «Я здоров, и все у меня хорошо».

Однако и в тылу жизнь ухудшалась не по дням, а по часам. Из корреспонденции, сохранившейся в нашей коллекции, можно узнать о жалобах матери, один из сыновей которой лежит в лазарете, а от второго, фронтовика, она ждет помощь в размере 20 крон, чтобы не умереть от голода; о солдате, мечтающем о маринованном огурце, об очередях за картошкой, о выдаче карточек на сахар, о кражах в огородах.

В такой атмосфере диссонансом звучит рекомендация одного женского журнала за 1918 год:

«Мы отлично знаем, что сейчас многим не до пасхальных блюд, но вместе с тем нельзя забывать и о том, что есть и такие местности, где не чувствуется почти никакой нужды. Кроме того, даже и там, где все имеется в ограниченном количестве и приобретает с трудом большие деньги, все-таки есть люди, которые имеют возможность не отказать себе в хорошем столе».

Что же этот стол из себя представляет? Галантин из индюка, рулет из поросенка, цыплята в сливках с луком шалот и т.д. . .

Как ни странно, во время войны больше всего людей умирало от гриппа и туберкулеза, а не от ранений. Эпидемия так называемого испанского гриппа погубила за годы войны в три раза больше представителей всех сословий, чем непосредственно военные действия. Немало жизней унесли сифилис, заражение крови, тиф и кишечные заболевания. Для детей все инфекционные болезни стали вдвойне опасными: ослабленный недостаточным питанием организм и нехватка лекарств делали свое дело. Поэтому к концу войны в противовес «Немецкому сердцу» возникла организация «Чешское сердце», вначале под эгидой Красного креста, которая отправляла чешских детей на поправку и, главное, подкормку в семьи чешских крестьян и прочих деревенских жителей и обитателей маленьких городков, добровольно пожелавших принять участие в этой благотворительной акции.

В Чешских землях по время Первой мировой войны на одну женщину продуктивного возраста приходилось четыре—пять детей, примерно один ребенок в семье не доживал до совершеннолетия. Число свадеб в военное время уменьшилось, количество беременных невест увеличилось до такого процента, что подобные случаи перестали кого-либо шокировать, возросло число так называемых незаконнорожденных детей. Многие женщины во время войны вынуждены были пойти работать, и это помогло развитию женской эмансипации и расширению женского образования в послевоенный период. Женщины работали не только в офисах и на производстве, но и в качестве пожарников, мойщиков, водителей, возглавляли организацию сельскохозяйственных работ. Более 400 женщин трудилось в системе пражского городского транспорта. Те, кто до войны держал прислугу, вынуждены были в некоторых случаях от нее отказаться, это заставляло лишившихся традиционной работы женщин искать себе другие источники пропитания.

Относительно стабильным было сельское хозяйство, но оно страдало от недостатка транспорта. На военные нужды реквизировали не только многих лошадей, но и волов, коз и даже собак, которые до войны развозили молоко. Железная дорога перешла под управление военного ведомства, билеты для гражданского населения продавали с ограничениями, делали проверки на таможах. Эти проверки должны были остановить спекулянтов и городских жителей, без разрешения властей покупающих продовольствие у крестьян. Не только личная неприкосновенность, но и многие другие свободы, недавно полученные чехами, были отняты. Война стала затяжной, недовольство постоянно росло, Австро-Венгрия разваливалась на части, а в Чешских землях все ждали мира. Об этом вспоминает Вацлав Штех, театральный и литературный деятель: «28 октября 1918 года после 9 утра в офис, где я находился, вошел один служащий и закричал: „Мир!“ Все набросились на этого человека с требованием рассказать подробнее, но он только сказал, что ему позвонили из телефонного узла из Вены, а потом он упал в обморок от избытка чувств» (Václav Štech, Literární a divadelní džungle, nakl. Družstvo máje, 1937).

Сегодня, проезжая по городам и весям в Чешских землях, можно видеть множество памятников погибшим и пропавшим без вести во время Первой мировой войны. Эту войну называли Великой, пророчили, что она должна стать непременно последней мировой войной в истории человечества. Прошедшим через газовые атаки, замерзавшим в окопах далекой стороны казалось, что это последнее бессмысленное испытание в их жизни.

С. МИХЛОВА, М. МИХЛОВА
Иллюстрации из архива авторов ■

О ЧЕМ НАПОМНИЛА СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ

МОЙ ОТЕЦ НА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Просматривая свою библиотеку, я неожиданно обнаружил не большую Библию, которая мне вдруг остро напомнила о жизненных переживаниях моего покойного отца.

Мой отец, Алексей Николаевич Гавринев, родился в Одоеве — одном из старейших городов бывшей Тульской губернии. Здесь же в 1908 году окончил курс обучения в городском начальном народном училище.

Отец был человеком впечатлительным. Уже в раннем школьном возрасте прилепился к православию, изучил церковнославянский язык и церковные обряды. Любил посещать богослужения, особенно в неторжественные дни, когда можно было забыть о мирской суете и в уединении созерцать. Радость ему доставляло участие в народных праздниках, особенно на про-

славленных и трогательных «птичьих базарах», когда на праздник Благовещенье Пресвятой Богородицы выпускали из клеток на волю заранее словленных певчих птиц. Обычай выпускать на волю птичку напоминал о радости, которую принесла всему миру весть, что скоро родится Спаситель мира.

Отец любил природу и особенно пернатых обитателей своего родного края. В свободное время он ходил в поле, в лес или на реку и наблюдал за их повадками в разные времена года. Принимал также участие в кольцевании птиц, которых ловил собственноручно в изготовленные западни, заманивая их на манок. Когда он рассказывал об этом, в его голосе можно было слышать какой-то юный задор. Не раз отец меня удивлял обширными сведениями о птицах, названия которых он знал не только на русском, но и на латинском языках.

Мой отец, Алексей Николаевич Гавринев, в 19... году.

В Киеве от смерти отца спасла сестра милосердия, успевшая его спрятать в подвальном помещении больницы.

С некоторыми названиями, подслушанными мною от отца, такими как зук-галстучник, пеструшка-мухоловка или горихвостка, я позже никогда не встретился. Возможно, они являются местными, краевыми наименованиями.

После окончания учебы в Одоевском приходском училище, мой отец вместе с родителями переехал на новое место жительства в Тулу — город, прославившийся своими мастерами-оружейниками. Помимо казенных Тульского Оружейного и Патронного заводов, на которых работали так называемые «казюки», в городе было много оружейников-кустарей, работающих самостоятельно по домам. Эти кустари сосредотачивались в зависимости от их специализации по отдельным улицам, получившим соответствующие названия — Курковая, Ствольная, Замочная, Штыковая и т. п.

Новый дом родителей находился не-подалеку от улиц с диковинными названиями — Первая и Вторая Миллионная. На них в то время проживали богатые коммерсанты, преимущественно евреи. Они скупали от мелких тульских кустарей их изделия и затем перепродавали оптом. Эти скупщики договаривались между собой на необычном для местных языке — идише. Отец был любознательным и стал прислушиваться, затем повторять и вскоре с помощью своих сверстников еврейского происхождения настолько его освоил, что мог свободно общаться. Это ему впоследствии очень пригодилось.

В Туле отец поступил в гимназию и одновременно вступил в ряды членов новосозданного физкультурного общества «Русский сокол». Здесь он в Народном доме под руководством чешских преподавателей не только укреплял физические силы, но и воспитывался на идеях всеславянского единства.

Когда вспыхнула Первая мировая война — ее тогда называли Великой — в России началось движение славян за освобождение от Австро-Венгрии. Особенный отклик нашло это движение среди студенческой молодежи, и мой отец заявил о своем желании вступить добровольцем в армию. Но призывная комиссия ему сначала отказала, т. к. призывной возраст тогда был 20 лет, а ему было только 19. Однако, учтя его горячее желание, комиссия его «со-старшила», записав ему в воинский билет дату рождения на год раньше. По собственному желанию еще во время обучения отец был направлен на фронт. Туляки тогда с любовью, тепло прово-

жали новобранцев, уходящих на войну, устилая им дорогу цветами.

При смене боевых частей в траншеях на передовой отец встретился со своим старшим братом Николаем. Эта встреча оказалась для них последней... И моему отцу пришлось испытать все лишения боевой обстановки, получить неоднократные ранения, но он все преодолел.

В 1915 году Русская армия после победоносного продвижения в Восточную Пруссию, попала в окружение германскими войсками в Августовских лесах, русские гвардейские полки понесли большие потери. Поэтому Верховное командование (ставка) решило пополнить эти полки выпускниками вузов и средних школ. Моего отца откомандировали в Лейб-Гвардии Е. И. В. Николая II Царско-Сельский стрелковый полк. Здесь он служил в должности младшего офицера — подпоручика.

В 1916 году уроженка Тульской губернии княгиня Ан. Ал. Голицына заказала в Швейцарии специальное издание «Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа», предназначенное для выдачи офицерам гвардейских полков — его я и держу сейчас в руках. Эту книгу карманного формата в кожаном переплете с вязью на корешке и золотым обрезом получил и мой отец. Она сыграла не только в его жизни, но и в жизни многих других важную роль. Помогала спасать душу, а некоторым и жизнь, когда в ней застревала пуля...

После Октябрьского переворота 1917 года российское государство погрязло в братоубийственной Гражданской войне. Началась кошмарная вакханалия разрушения. Часть народа, отрекаясь от веры отцов, уничтожала все государственные и нравственные устои, топила в крови все, что было в России святым. И моему отцу были тогда не чужды некоторые идеи социализма, ведь он был свидетелем стачек бедствующих тульских рабочих, живших в убогих лачугах, и последующих погромов. Различия в социальных условиях были огромные. «Как это может существовать рядом?» — говорило ему его сердце.

«Ломи, ребята, старый дом!» — прозвучал тогда один из многочисленных большевистских лозунгов. И немалая часть одуряченного народа бросилась и завалила его. Так народ русский остался не только без дома своего, но и потерял посеви своей тысячелетней культуры. Отец вступил в Добровольческую армию. В первоначальном успеш-

ном наступлении отец дошел почти до родных мест, затем горькое отступление под натиском превосходящих сил красных. Частям Добровольческой армии под командованием генерала Михаила Скалона предстоял трудный пеший путь в направлении на Польшу для переформирования. Под Киевом отец заболел возвратным тифом. Его поместили в Киевскую городскую больницу. В это время на Украине началось наступление Красной армии, через пару дней в Киев вступили большевики. Добровольческая армия не успела вывезти всех раненных. В городе сразу начался красный террор и расправы, которые не миновали госпиталей. «Золотопогонников» закалывали штыками прямо на больничных койках. Но отца Бог хранил.

Его спасла сестра милосердия, успевшая его заблаговременно спрятать в подвальном помещении. Здесь отцу пришлось пробыть в течение всего времени, пока красные были в городе. Медсестра за ним тайно ухаживала. Когда красных выбили из Киева поляки-гетманцы, отец вышел из укрытия, но был арестован поляками и отправлен в лагерь под Перемышлем, где содержались интернированные бойцы Добровольческой армии. Прощаясь с сестрой милосердия, отец ее горячо благодарил за спасение, добро и ласку, которую она ему оказывала, и попросил от нее на память фотокарточку, которую потом хранил до конца своей жизни.

В лагере отец провел несколько месяцев, причем ежедневно перечитывал Новый завет, который ему придавал силу пережить все мытарства. Многие главы выучил наизусть. В переполненном лагере свирепствовала эпидемия тифа, санитарная часть не справлялась не было медикаментов. Кроме того, стояла лютая стужа. Интернированные солдаты были сильно ослаблены недоеданием — в день выдавали по котелку похлебки из бурака. Смертность была ужасающая.

Однако в лагерь имели доступ местные евреи, приносившие продукты в обмен на часы, шинели, сапоги из офицерского обмундирования. Отец обменял все. Питался в основном куриными яйцами, которые ел сырыми. В конце концов, у отца для обмена остались только золотой нательный крестик и Новый завет. Руководствуясь девизом Добровольческой армии «Никогда не отчаиваться, но всегда действовать», он решил обменять свой крестик, однако с условием. Договорился на идиш с перекупщиками, чтобы ему принесли старый засаленный лапсердак (верхнее длиннополое платье у польских и галицких евреев) и шляпу — низкий еврейский котелок. Исхудалый и заросший отец переоделся и вышел из лагеря, не обратив на себя внимания лагерной охраны.

Днем отец должен был скрываться, а по ночам направлялся к границам Подкарпатской Руси, которая в 1918 году стала частью Чехословацкой Республики. По дороге питался чем попало. Кроме того, отец страдал от мысли, что покидает родную страну и родных, с которыми, может быть, уже не встретится... И здесь ему помогло превозмочь телесную слабость чтение Нового завета и непрерывная молитва.

Когда он подошел к подножью Карпат и взглянул на возвышающийся перед ним хребет, то ему показалось, что он сможет его преодолеть за несколько часов. Но ему потребовалось несколько суток. Поднимаясь впотьмах по скользкому склону, он скатился и упал в какую-то яму, присел отдохнуть и заснул. Проснулся от холода и, открыв глаза, увидел русского солдата с винтовкой и примкнутым штыком... наполовину засыпанного землей. Это была воронка от снаряда, а немного подальше окопы времен Брусиловского прорыва. В кармане солдата отец обнаружил воинский билет и письма родных. Позже отец эти документы

вместе с письмом переслал семье через Международный Красный Крест.

Поднимаясь дальше в гору, он дошел до мест, где кончались заросли карликовой горной сосны и начинались горные луга. Здесь он залег, чтобы обследовать местность. В недалеком сосновом стланике он заметил какое-то движение, притих и ждал, что будет дальше. Когда в течение длительного времени ничего не произошло, начал бросать в этом направлении камешки. Но реакции не было. Тогда начал покрикивать. С противоположной стороны послышался ответ на русском языке. Оказалось, что там тоже скрывается беженец — однополчанин. Вдвоем стало идти легче. На горном лугу встретили молодого русина — чабана со стадом овец. Тот им посоветовал, как избежать встречи с чешскими жандармами, которые в то время охраняли границу, и как добраться до села, где находится сборный пункт для российских беженцев.

Прибыв туда, они как бы очутились в другом мире. Их гостеприимно приняли, накормили досыта, отправили выкупаться в баню, дали свежее нательное белье — вернулось подобие и достоинство человека. Однако долго там оставаться нельзя было. Надо было думать о возможностях заработка и дальнейшего устройства. Отец нанялся дровосеком на лесные разработки. А вскоре среди русинов его полюбили за добродушие и крепкую православную веру — местное население в то время возвращалось к вере своих предков — Православию. Но они испытывали острый недостаток в своей интеллигенции и православных священниках, поэтому обратились к отцу за помощью, и после формальной выучки отец стал диаконом, а потом протодиаконом. В этой должности у него произошла радостная встреча с его старым боевым другом Всеволодом Коломацким (в будущем архимандритом Андреем), который в то время воздвигал здесь новые православные церкви.

Для моего отца началась трудная эмигрантская жизнь, полная неожиданных поворотов. Много раз приходилось начинать все сызнова без каких-либо средств. Но он никогда не терял своего морального достоинства и всегда благодаря усердию и трудолюбию не только вновь поднимался, но и помогал другим. Просто жил по совести и по своему укладу, а я к нему присматривался.

ВЛАДИМИР ГАВРИНЕВ
Фото из семейного архива

